

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть I)

В статье рассматривается проблема соотношения «свободы учения» и государственного регулирования образовательной деятельности, представленная в университетском уставе 1884 г. Отмечается, что устав регламентировал принципы управления университетами, организацию их академического порядка, определял характер учебной деятельности, содержание и направленность учебного процесса, вносил определенные изменения в структуру российских университетов, вводил семестровый характер организации учебного процесса и так называемый «зачет полугодий». В положении преподавательской корпорации наиболее важной переменной стала отмена выборного принципа профессоров – главного показателя университетской автономии. Устав оставлял последнее слово в утверждении кандидата на должность профессора за министром народного просвещения. Подчеркивается, что устав закрепил положение профессоров в качестве чиновников на государственной службе. Статьи устава о студентах имели своей главной целью поставить обучающихся в такое положение, чтобы все их силы и внимание были сосредоточены исключительно на учебном процессе, что, по мнению составителей устава, должно было упредить любую возможность возникновения студенческих беспорядков и распространение антиправительственной пропаганды. Устав закрепил необходимость надзора за студентами со стороны руководства университетов. Все обучающиеся получали статус «отдельных посетителей университета», всякая корпоративная деятельность запрещалась, вводилось обязательное ношение формы.

Ключевые слова: императорские университеты, устав 1884 г., историко-филологический факультет, физико-математический факультет, юридический факультет, медицинский факультет, кафедры, организация учебного процесса, профессор, приват-доцент, доктор, магистр, студенты – «отдельные посетители университета», семестр.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

The University Charter of 1884: Illusion of the Academic Freedom (Part I)

In the article the ratio problem of "freedom of the doctrine" and state regulation of the educational activity presented in the University Charter of 1884 is considered. It is noted that the charter regulated the principles of management of universities, organization of their academic order, defined character of the educational activity, contents and orientation of the educational process, made certain changes into the structure of the Russian universities, it entered semestrial character in organization of the educational process and so-called "a pass of half-year". In the situation of teaching corporation the most important change was cancellation of the elective principle of professors it was the main indicator of the university autonomy. The charter left the last word in appointment of the candidate for the professor's position for the Minister of National Education. It is emphasized that the charter fixed the position of professors as officials in public service. The purpose of the articles of the charter was to concentrate students completely on the educational process, according to the authors of the charter, it had to anticipate any possibility of students' disorders and distribution of antigovernmental promotion. The charter fixed a necessity that students must be supervised by the management of universities. All students had a status of "individual visitors of the University", any corporate activity was forbidden, obligatory wearing of the form was entered.

Keywords: imperial universities, the Charter of 1884, the Historical and Philological Faculty, the Physical and Mathematical Faculty, the Law Faculty, the Medical Faculty, chairs, organization of the educational process, a professor, a private-docent, a doctor, a master, students – "individual visitors of the University", a semester.

Устав 1884 г. установил канцелярскую регламентацию механизма управленческой деятельности университетов, компенсировав потерю их внутреннего самоуправления заботой о совершенствовании учебно-воспитательного процесса и стремлением к его кардинальным преобразованиям. Новое университетское законодательство в том виде, в каком оно представлялось зачинщикам реформирования университетов, действительно создавалось под личиной «свободы преподавания и слушания» [18, с. 796]. Немецкая система "Lernfreiheit und Lehrfreiheit" (свободного обучения и преподавания) была центральной идеей ученого и публициста, редактора катковского «Русского вестника» Н. А. Любимова, которую он начал истово проповедовать в 70-х гг. XIX в., когда разгоралась компания за уничтожение либерального устава 1863 г.

Система «свободного обучения и преподавания», существовавшая в университетах Германии, покоилась

на четырех основаниях: свободе мысли и слова; «духе свободного исследования» [7, с. 691], когда и преподаватель и студент были «принципиально равны перед лицом науки», обоюдно участвуя в процессе познания и приближения к истине [2, с. 159]; свободе выражения научных убеждений профессора, что выражалось в праве самостоятельного выбора им учебных курсов, определении оптимального объема и наиболее эффективного метода изучения научных проблем в рамках области знаний своего факультета, отсутствии предписанной государством программы изложения научной дисциплины; предоставлении студентам возможности самостоятельно строить учебный план, самим выбирать преподавателей, предметы своего «образовательного маршрута», регулировать порядок и сроки их изучения, а также разрешении добровольного посещения лекций [3, с. 547].

Рецепции немецкой «свободы преподавания и слушания» получили в освещении Н. А. Любимова причудливое содержание, но, видимо, рассчитывая на недостаточную осведомленность своих оппонентов, профессор физики Московского университета с жаром принялся популяризировать непригодную для России «классическую университетскую модель»¹, выхолостив ее главную сущность – идею свободы для науки и ради науки.

Либерализацию университетов он связывал не с автономией профессорских коллегий, а с «допущением и ограждением академической свободы исследования и преподавания», которую Министерству просвещения следовало защищать от анархии, «кружковщины», «кумовства» безответственных университетских советов [17, с. 886–903]. Упрекая «ученое сословие» в отсутствии приверженности «духу науки и умственной самостоятельности», он предлагал серию мер, направленных на обновление университетской жизни: широкое развитие приват-доцентуры, «свободное распределение курсов», отмену курсовых экзаменов. Наряду с этими инициативами, способными сблизить российские университеты с «классической университетской моделью», он пропагандировал необходимость составления точной, утверждавшейся министерством программы требований, обязательной для выполнения и учащимися и учащими, разделения преподавания и приема экзаменов, введения «германского порядка гонорария» как выражения подлинной академической свободы. Претворение этих принципиальных для постановки учебного дела университетов положений в жизнь, среди которых, говоря современным языком, присутствовали идеи появления государственных стандартов образования, государственных экзаменов, «монетизации» преподавательского труда [15, с. 66], и должно было, по его замыслу, вызвать качественные перемены академического быта, способные поднять научный уровень преподавания и изменить отношение студентов к образовательной деятельности.

Большинство предложений Н. А. Любимова вошли в проект нового университетского устава, а позже появились в его кодифицированном варианте 1884 г., хотя в такой постановке «университетского вопроса» (совместимость укреплявшегося государственного начала в управлении университетами с допускавшейся правительством лимитированной академической свободой) содержалось неразрешимое противоречие.

Выяснению сущности понимания «свободы учения» составителями университетского устава 1884 г. и определению границ государственного регулирования академического процесса в университетах России последней четверти XIX в. посвящена данная публикация.

Устав 1884 г. регламентировал не только принципы управления университетами и организацию их академического порядка, названного современниками «режимом» [11, с. 131, 133]. Он определял и сам характер учебной деятельности: содержание и направленность учебного процесса или, как говорили в конце XIX в., «устройство учебной части» университетов. Структуре

и учебным планам университетов, академическим «испытаниям» и итоговым экзаменам, учебно-вспомогательным заведениям, ответственным за совершенствование учебного процесса, посвящен третий отдел устава.

В университетах сохранялось четыре факультета: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский. В С.-Петербургском университете вместо медицинского факультета, как и раньше, функционировало отделение восточных языков (20, отдел III, гл. I, § 55–59)².

На историко-филологическом факультете по-прежнему учебный процесс организовывали девятнадцать преподавателей, распределявшихся среди одиннадцати кафедр: философии, классической филологии, сравнительного языковедения и санскритского языка, русского языка и русской литературы, славянской филологии, географии и этнографии, всеобщей истории, русской истории, истории западноевропейских литератур, истории церкви, теории и истории искусств³ (отдел III, гл. I, § 55). Новый устав рекомендовал занимать эти кафедры только профессорам: двенадцати ординарным, семи экстраординарным (гл. I, § 60). Устав 1863 г. допускал к чтению указанных дисциплин и доцентов [31. – Гл. II. Отд. II, § 13].

На физико-математическом факультете «полагались» следующие кафедры: чистой математики, теоретической и практической механики, астрономии и геодезии, физики и физической географии, химии, минералогии и геологии, ботаники, зоологии, сравнительной анатомии и физиологии, технологии и технической химии, астрономии⁴ (отдел III, гл. I, § 56). На десяти (вместо прежних двенадцати) кафедрах устав рекомендовал использовать труд семнадцати профессоров (двенадцать ординарных, пять экстраординарных) (отдел III, гл. I, § 60). Прежде учебный процесс обеспечивали девятнадцать преподавателей: шестнадцать профессоров и три доцента [31. – Гл. II. Отд. II, § 14].

На юридическом факультете учреждалось двенадцать кафедр (вместо тринадцати, предусмотренных уставом 1863 г.): римского права; гражданского права и судопроизводства; торгового права и судопроизводства; уголовного права и судопроизводства; истории русского права; государственного права; международного права; полицейского права; финансового права; церковного права; политической экономии и статистики; энциклопедии права и истории философии права⁵ (отдел III, гл. I, § 57). Вместо девятнадцати преподавателей (тринадцать профессоров и шесть доцентов), полагавшихся по уставу 1863 г. [31. – Гл. II. Отд. II, § 15], новый университетский закон, ограничивая общее количество преподавателей, рекомендовал привлекать к учебной деятельности на факультете одиннадцать ординарных профессоров и четырех экстраординарных (отдел III, гл. I, § 60).

Количество кафедр на медицинском факультете выросло до двадцати трех (против шестнадцати) (отдел III, гл. I, § 58), но число преподавателей сократилось на десять человек: вместо тридцати трех, как было прежде [31. – Гл. II. Отд. II, § 16], устав 1884 г. разрешал при-

нять на работу только двадцать трех профессоров: четырнадцать ординарных и девять – экстраординарных (отдел III, гл. I, § 60).

Наименьшим изменениям подвергся факультет восточных языков С.-Петербургского университета, где сохранялось девять кафедр, девять профессоров (отдел III, гл. I, § 59, 60) и восемь лекторов (отдел III, гл. I, § 63)⁶. Лекторы полагались и для преподавания европейских языков: их включали в штат историко-филологического факультета (отдел III, гл. I, § 63).

Для студентов православного вероисповедания всех факультетов осуществляла свою деятельность кафедра богословия (отдел III, гл. I, § 53). Профессор богословия, назначавшийся министром народного просвещения по согласованию с духовным ведомством (отдел IV, § 107), выполнял, помимо преподавательской деятельности, функции настоятеля университетской церкви и состоял членом совета университета (отдел III, гл. I, § 53).

Таким образом, Министерство народного просвещения внесло коррективы в организацию учебного процесса на факультетах, используя присвоенное ему право совмещать, разъединять, заменять кафедры, перемещать их с одного отделения на другое (отдел II, гл. IV, § 30. III. № 3). Кроме того, оно сократило расходы университетов, связанные с содержанием преподавателей высшей категории. Тем не менее, устав потребовал от деканов факультетов и преподавателей заботиться «о полноте, последовательности и правильности преподавания... предметов» и возложил на них ответственность перед вышестоящими контролирующими органами «в надлежащем порядке и установленном объеме» осуществлять чтение курса лекций и проводить «научные упражнения» (практические занятия), чтобы студенты смогли беспрепятственно, не испытывая затруднений, преодолеть испытания, предусмотренные «по окончании университетского курса» (отдел III, гл. I, § 66).

Содержание обучения на ряде факультетов не осталось без изменений, так как последовавшие за уставом «Правила об экзаменационных требованиях в испытательных комиссиях» (1885 г.) определили «общую постановку преподавания», то есть дали новое направление обязательным университетским занятиям студентов [26, с. 621]. В «Правилах», в частности, говорилось: «Основание филологического образования, как в материальном, так и в методологическом отношении, составляют оба классических языка с их литературами и относящимися к ним дисциплинами и реальными сведениями» [26, с. 622]. Поэтому классическая филология, древняя история и античная философия превратились в главные предметы изучения на историко-филологических факультетах университетов на протяжении всех восьми семестров. Остальные науки были объявлены дополнительными и разделены на две группы: словесные и исторические.

Предпочтение классицизма современным наукам должно было решить, по мнению реформаторов университетского образования, множество проблем: облегчить контроль преподавателей за формированием

взглядов, убеждений, настроений воспитанников, оградить студентов от «тлетворных влияний» либеральных и социалистических идей, уничтожить в них «крайние сомнения» и «превратные воззрения» – иными словами, искоренить политическую неблагонадежность.

Кроме того, сложность постижения «мертвых языков», отсутствие корыстных устремлений в их изучении из-за невостребованности в текущей жизни должны были решить еще одну задачу: оградить университеты от притязаний на высшее образование лиц низких сословий, стремившихся изменить свой социальный статус благодаря университетским дипломам.

Солидная образованность, достойное поведение, благородство мыслей и поступков выделялись тогда закономерным итогом внедрения и в среднюю, и в высшую ступени образования греческого языка и латыни.

Устав 1884 г. отменил деление историко-филологических факультетов на три отделения: историческое, славяно-русское и классическое⁷. Министерство, ссылаясь на недостаток учителей древних языков для гимназий, предприняло усилия для глубокого инкорпорирования в учебный процесс классицизма в ущерб общеобразовательной подготовке студентов гуманитарных факультетов. По имеющимся у нас данным, на историко-филологическом факультете Московского университета из 2 816 часов учебного плана на освоение классических языков, древней философии, греко-римской истории и литературы было отведено 1 856 часов. На остальные предметы (славяно-русско-германскую филологию, языковедение, историю западно-европейских литератур и искусств, отечественную и новейшую историю) было оставлено 960 часов. Студенты-филологи поневоле уделяли самое незначительное время изучению отечественной литературы и истории, причем по этим предметам им предлагался материал, преимущественно относящийся к древнему периоду [12, с. 274].

Однако преобладание классической филологии в программе обучения было непродолжительным. Опасаясь падения интереса студентов к «цельному, научному» гуманитарному образованию⁸, недовольства профессоров, чьи предметы были «отодвинуты» на задний план, в 1889 г. министерство восстановило прежний порядок преподавания на историко-филологических факультетах и вернуло им устройство, рекомендованное уставом 1863 г.⁹

На юридическом факультете главный акцент в обучении был сделан на рассмотрении римского права, так как, по соображениям представителей Министерства народного просвещения, это «предмет столь же всеобщий и обязательный для всякого просвещенного юриста, к какой бы ни принадлежал он стране и какому бы ни служил государству» [26, с. 621]. С целью подготовки квалифицированных преподавателей по римскому праву – этой неожиданно ставшей доминирующей для будущих юристов науке, с 1886 г. при Берлинском университете начал свою работу юридический факультет, где выпускали профессоров права для русских университетов [26, с. 622].

Учебный строй университетов претерпел измене-

ния – и не только из-за смещения идеологических акцентов и разделения всех дисциплин на главные и факультативные, необязательные. Устав 1884 г. предложил новые правила организации учебной деятельности студентов, которая логично завершалась испытаниями: текущими (академическими) и итоговыми (выпускными) экзаменами, в методике проведения которых также появились новшества.

Согласно уставу, каждый факультет составлял «один или несколько учебных планов», в которых отражались науки, «подлежащие изучению студентами» данного факультета, и последовательность их преподавания. Эти планы, как и предложения, направленные на усовершенствование учебного процесса, являлись предметами детального рассмотрения на заседаниях университетского совета и через попечителя представлялись на утверждение министра народного просвещения (отдел III, гл. I, § 70; отдел II, гл. IV, § 30. III. № 11). На каждое предстоящее академическое полугодие, или семестр, на которые отныне делились учебные курсы, факультеты составляли «обозрение преподавания... с распределением лекций и практических занятий по дням недели и часам» (отдел III, гл. I, § 71; отдел II, гл. III, § 27. II. № 6). В основе «обозрений» лежали «заявления» преподавателей о предлагаемых ими «чтениях и практических занятиях со студентами». Рассмотренные на совете университета «обозрения», или, иначе, расписания занятий, также подлежали утверждению министра народного просвещения (там же; отдел II, гл. IV, § 30. III. № 12).

Разделив учебный год на полугодия, новый устав упразднил переводные (с курса на курс) экзамены (оставив их только на медицинских факультетах) и ввел так называемый «зачет полугодий», имевший целью лишь установление контроля за прилежанием студентов и исполнением ими своих учебных обязанностей¹⁰. Восемь таких зачетов для студентов историко-филологического, физико-математического, юридического факультетов и десять – для студентов-медиков давали им право на прохождение государственного экзамена в «особо назначенных для того при университетах комиссиях» (отдел III, гл. II, § 74; 77).

Таким образом, если по уставу 1863 г. выпускной экзамен проводился на факультетских комиссиях, состоявших из профессоров и декана соответствующего факультета [31. – Гл. 5. Отд. I, § 42. Б. № 6; Гл. 8. Отд. II, § 93, 99], то по уставу 1884 г. итоговые испытания осуществляла специальная комиссия, председатель и члены которой назначались министром народного просвещения (отдел III, гл. II, § 75). В состав комиссий входили как университетские профессора, так и посторонние компетентные лица [8, с. 735], получавшие за «понесенный ими труд» вознаграждение из «сметной суммы и из взноса, производимого испытуемыми» (отдел III, гл. II, § 76). Взнос составлял двадцать рублей (отдел III, гл. II, § 79). Общие для всех университетов правила испытаний в комиссиях и требования к студентам выпускных курсов утверждались министром народного просвещения и печатались для всеобщего ознакомления (отдел III, гл. II, § 80).

Объем и содержание учебных курсов, как и учебный план по полугодиям на каждом факультете, были поставлены в зависимость от экзаменационных требований, которые разрабатывались специальными комиссиями или уполномоченными Министерства народного просвещения¹¹. Это не могло не отразиться на положении преподавателей, или «личном составе университета по учебной части» (отдел IV), куда входили ординарные и экстраординарные профессора, приват-доценты, лекторы, «лица, состоявшие при учебно-вспомогательных установлениях» (к примеру, лаборанты, библиотекарь и его помощники, врач, хранители музеев и коллекций) (отдел IV, § 97; отдел II, гл. III, § 27. IV. № 1).

В положении преподавательской корпорации наиболее важной переменной было устранение выборного принципа – главного показателя университетской автономии. Поставив условием приобретения профессорской кафедры степень доктора соответствующей науки и доказанную в течение трех лет «способность к преподаванию чтением лекций... в звании приват-доцента», устав дал министру народного просвещения право замещать вакантные кафедры или по собственному усмотрению (отдел IV, § 99), или с учетом инициативы факультета, сопровождавшейся баллотированием кандидата на совете университета и получением рекомендации попечителя (отдел IV, § 100–102). Подтвердив право факультетов выдвигать известных ученых на вакантную должность (отдел IV, § 100), а также обсуждать их научную состоятельность и «преподавательские достоинства» на совете университета (отдел IV, § 101), устав оставил за министром просвещения последнее слово в утверждении на должность профессора избранного кандидата (отдел IV, § 103). Если его кандидатура не устраивала министра, он мог «назначить профессора из числа других кандидатов, предложенных университетом», или заместить освобожденную должность «посторонним лицом», обладавшим докторской степенью и имевшим опыт преподавательской работы (отдел IV, § 103, 99).

Министру предоставлялось право направлять в университеты сверхштатных профессоров, удостоивая этой наградой по своему усмотрению лиц, «приобретших особую известность... учеными трудами и удовлетворяющих условиям для занятия профессорской должности» (отдел III, гл. I, § 62). «По собственному усмотрению» министр мог позволить временно исполнять обязанности по вакантной кафедре любому лицу, имевшему ученую степень, если его избранник был «сведущим по этой кафедре» (§ 64). По ходатайству факультетов глава учебного ведомства разрешал нарушать порядок присвоения ученых степеней: возводил «в степень доктора» лиц, пользовавшихся «почетной известностью» за свои научные труды (минуя испытания и представление диссертации на степень магистра); допускал «прямо к соисканию докторской степени» ученых, получивших известность за свои научные достижения (отдел III, гл. III, § 27. II. № 3, 4; отдел II, гл. IV, § 30. III. № 9, 10).

Устав 1884 г. устанавливал длительность стажа работы преподавателя университета: для профессора он составлял двадцать пять лет (отдел IV, § 104). При наличии желания профессор, выработавший этот стаж, мог продлить свою преподавательскую деятельность еще на пять лет, подав прошение попечителю учебного округа о ходатайстве перед министром народного просвещения и получив соответствующее разрешение (там же). По истечении тридцати лет преподавания профессор исключался из штатного расписания, но имел право продолжать чтение лекций еще в течение пяти лет, получая вознаграждения сверх пенсии в размере тысячи двухсот рублей в год (отдел IV, § 105). Престарелому профессору сохраняли звание, разрешали входить в совет университета и другие звенья управления, заведовать (с разрешения попечителя) учебно-вспомогательными установлениями (там же).

В новом уставе содержалась особая глава «О пенсиях и пособиях за службу в университете», в которой подчеркивалось, что расчет пенсий и пособий осуществляется по окладам содержания, что подразумевало совокупный учет доходов профессора: его жалованья, столовых и квартирных денег (отдел VI, гл. III, § 152, прим. 1). Кроме того, устав позволял совмещать получение пенсии и жалованья, пенсии и единовременного пособия (отдел VI, гл. III, § 153, 154). Заслуженный профессор, то есть профессор, отслуживший в университете двадцать пять лет (отдел IV, § 106), имел право получать и жалованье, и пенсию, только если приступал к иному роду деятельности, не связанному с преподаванием (отдел VI, гл. III, § 154, д). После тридцатилетней «учебной службы» профессору начисляли в пенсию полный оклад содержания (включая жалованье, столовые и квартирные деньги) (отдел VI, гл. III, § 154, г).

Пенсии полагались и профессорам, выходявшим в отставку раньше срока – «по расстроенному на службе здоровью» (отдел VI, гл. III, § 155), а также «одержимым тяжкими и неизлечимыми болезнями» (отдел VI, гл. III, § 156). Размер таких пенсий определялся трудовым стажем профессора и не превышал двух третей «оклада содержания» (§ 156). Семьи умершего профессора могли рассчитывать на получение его пенсионного оклада (отдел VI, гл. III, § 154, прим. 1).

Устав сохранил прежнее жалованье профессорам¹², но вместе с тем позволил улучшить их материальное положение установлением особой оплаты – гонорара со студентов и слушателей. При введении гонорара Министерство народного просвещения руководствовалось следующими соображениями: «Гонорар обязывает профессоров не скупиться своим трудом и временем для слушателей и соображаться с их действительными потребностями, обучая их прежде всего тому, что требуется от них на экзаменах, избирая для них аудитории, где бы они все могли удобно разместиться, слышать, что им читается, и видеть, что им показывается... назначая для занятий со студентами удобные для них часы... С другой стороны, студенты, записавшись на лекции профессора, тем самым заявляют свою надежду приобрести от него наибольшую пользу. Профессор,

естественно, употребляет усилия, чтобы сколь можно полнее оправдать возложенные на него надежды: он не позволит себе ни манкировок, ни опозданий, ни чтения лекций без достаточного приготовления, ни чрезмерного увлечения интересными, быть может для него, но мало полезными для слушателей частностями... Ввиду того обстоятельства, что студентам предоставляется слушать лекции не только своего, но и других факультетов, гонорар является мерой, воздерживающей студента от легкомысленного разбрасывания своих занятий. Наконец, система гонорара много облегчит оценку деятельности приват-доцентов...» [8, с. 734, 735].

Таким образом, по мнению официальных лиц, гонорарная система оплаты труда профессоров должна была стимулировать их интерес к преподавательской деятельности, положительно сказаться на результатах обучения студентов, обязав их добросовестно посещать оплаченные занятия. Для приват-доцентов, не имевших официального заработка¹³ (отдел IV, § 112), гонорар мог выступить в качестве надежного материального подспорья и одновременно заинтересовать их в поиске эффективных средств, направленных на продолжение исследовательских и педагогических начинаний.

Точный размер «особой платы в пользу преподавателей» устанавливался министром народного просвещения (отдел V, § 130). Устав 1884 г. предлагал взимать с каждого студента и «постороннего слушателя... за слушание лекций и за участие в практических занятиях: а) в пользу университета – по пяти рублей за каждое полугодие и б) особую плату в пользу отдельных преподавателей, лекциями и руководством которых студент или слушатель желает пользоваться, в размере... одного рубля за недельный час за полугодие» (отдел V, § 129).

В новом уставе большое внимание отводилось институту приват-доцентов, который должен был заменить собой прежних штатных доцентов¹⁴. Приват-доцентов рассматривали «рассадником профессоров», так как в их активной деятельности на благо русского высшего образования видели наиболее действенный способ осуществления конкурсного отбора между лицами, добивавшимися профессуры. Приват-доцентами могли быть следующие категории преподавателей: члены Академии наук, изъявившие желание читать лекции в университете (отдел IV, § 108); лица, имевшие степень магистра и доктора; профессора специализированных высших учебных заведений; выпускники университетов, выдержавшие экзамены на степень магистра, но еще не защитившие диссертации, при условии удачно проведенных двух пробных лекций (отдел IV, § 109, прим.). С разрешения министра лица, не имевшие ученых степеней, но пользовавшиеся авторитетом за свои «ученые труды», пройдя отбор на «пробных лекциях», также могли стать приват-доцентами (§ 109, б).

Кандидатура подавшего прошение о работе приват-доцента рассматривалась на факультетском собрании и утверждалась (через представление ректора) попечителем (отдел IV, § 110). Претенденты на должность приват-доцента, отклоненные факультетом, через покрови-

тельство попечителя могли быть назначены министром народного просвещения (там же). Контроль за деятельностью приват-доцентов возлагался на декана соответствующего факультета и ректора (отдел IV, § 111). При «неуспешности» работы приват-доцента или в случае «распространения [им. – М. Н., Т. П.] между слушателями вредных воззрений» ему воспрещалось работать с аудиторией, так как попечитель отстранял «такое лицо от преподавания и доносил о сем министру» (там же). Приват-доценты, не проводившие занятий в течение полугода без уважительных причин, лишались своего звания, а при незавершении начатого лекционного курса, запланированного на целое полугодие, оставались без своего скудного вознаграждения (отдел IV, § 113).

Для подготовки к профессорскому званию устав предлагал два способа. Студенты, «успешно окончившие полный университетский курс», по решению факультетского собрания могли приступить к осуществлению процедуры присвоения ученой степени, получая за свою исследовательскую деятельность стипендию, которую им выплачивали в течение двух (а иногда и трех) лет (отдел V, § 135). Время, «употребленное» профессорскими стипендиатами на приобретение ученых степеней, «зачитывалось в действительную службу» при осуществлении ими впоследствии преподавательской деятельности (§ 136). Соискателями первой ученой степени – магистра – могли быть все выпускники университетов, обладавшие дипломами «первой или второй степени» (отдел III, гл. II, § 86, 81). Им требовалось пройти «устное испытание на факультете» в «присутствии полного состава факультетского собрания», а также публично защитить «одобренную» этим же собранием диссертацию (§ 87, 90). Для получения положительного отзыва соискатель, пользовавшийся протекцией университетского руководства, мог обратиться за помощью к попечителю, имевшему по уставу право «по усмотренной им надобности созывать совет, правление и собрания факультетов, а также присутствовать в заседаниях сих установлений» (отдел III, гл. II, § 7)¹⁵. Министр просвещения мог забраковать диссертацию при помощи своих доверенных лиц, «имеющих ученые степени по тем отраслям наук, из которых испытания производятся», назначив их членами аттестационных комиссий (отдел III, гл. II, § 90).

Вместе с тем, устав предоставлял возможность соискателю магистерской степени претендовать «прямо на степень доктора», в том случае, когда представленная им магистерская диссертация, по отзыву специалистов, «отличалась особенными научными достоинствами» или признавалась «выдающейся» (§ 88)¹⁶. Ходатайства об изменении установленного порядка приобретения ученых степеней (§ 85) направлялись факультетскими собраниями в совет университета, который и принимал соответствующее решение по искомому делу (отдел II, гл. III, § 27. II. № 5; гл. IV, § 30. I. № 3; отдел III, гл. II, § 88).

Молодые ученые, уже достигшие ученой степени магистра, имели возможность для подготовки докторской диссертации работать за границей, получая «командировочные» из специальных средств университета

(отдел VI, гл. I, § 146, д). Особые правила осуществления научных командировок были разработаны Министерством народного просвещения в 1884–1885 гг. [26, с. 618].

Меры, направленные на ускорение процедуры получения высшей ученой степени, следует трактовать не только в ключе подчинения университетского уклада жизни вездесущему бюрократическому произволу. Не менее весомым объяснением следует считать нехватку высокообразованных специалистов, порождавшую хроническую незаемещенность университетских кафедр. В шести университетах по штату 1884 г. числилось пятьдесят четыре вакансии. Жалобы университетов и Министерства народного просвещения на недостаток преподавателей при замещении кафедр прекращаются только в самом конце XIX в. [37, с. 166–169]. Благодаря расширению института приват-доцентов¹⁷, волевым усилиям министров просвещения, назначавших сверхштатных профессоров, а также дозволенным уставом нарушениям схемы присвоения ученых степеней, университетам удалось наконец решить злободневную кадровую проблему.

Подводя итог материалам, освещавшим юридический статус представителей «ученого сословия», еще раз обратим внимание на то, что профессора и прочие преподаватели университетов по уставу 1884 г. считались «должностными лицами, служащими по учебной части» (отдел II, гл. II, § 14). Они имели четко нормированную рабочую неделю («шестичасовую норму» – § 67), ежегодный отпуск («на вакационное время» и восемь дополнительных к нему дней – § 18), могли осуществлять научные командировки за государственный счет (§ 147, д) и беспошлинно привозить из-за границы книги, инструменты и другие «учебные пособия» (§ 150). Профессорам разрешалось издавать в университетских типографиях труды научного содержания и распространять их через местные книжные лавки, причем вся созданная ими научная продукция не подлежала цензуре (§ 138, 140). Им не возбранялось и входить в «учебные общества» (§ 145). Старость преподавателей была обеспечена солидной пенсией, а на поправку расстроенного здоровья можно было получить единовременное пособие «по размеру полного оклада содержания профессора» (§ 154). Профессора, лекторы, представители «учебно-вспомогательных установлений» могли быть «произведены двумя чинами выше класса, присвоенного их должностям» (отдел VI, гл. II, § 149). Приват-доцентам, поступившим на государственную службу, преподавательскую деятельность в университете засчитывали в «действительную службу», а при назначении на профессорскую должность – в срок выслуги лет, полагавшихся уставом для присвоения звания заслуженного профессора (отдел VI, гл. II, § 150).

Однако, несмотря на эти «преимущества», полагавшиеся «ученому сословию», устав закрепил положение профессоров в качестве чиновников на государственной службе. Они носили «синие форменные фракки» [9, с. 556, 559, 565], развитие их профессиональной карьеры определялось личным отношением попечителя

и расположением министра просвещения. Зависимое от власть предержащих положение профессоров подчеркивалось на всех официальных церемониях. Торжественные университетские акты и заседания ученого совета начинались с сообщений о переводе профессоров в тайные или в действительные советники, о пожаловании высших правительственных наград [37, с. 166, 167].

Обратимся более подробно к изучению правового положения студентов – второго контрагента академического процесса.

Статьи устава о студентах Императорских университетов имели своей главной целью поставить учащихся в такое положение, в котором их внимание было бы сосредоточено исключительно на учебном процессе, что должно было устранить всякую почву, благоприятствующую возникновению внутренних беспорядков и распространению противоправительственной пропаганды.

Единственным условием поступления в университет признавался аттестат зрелости, полученный в гимназии или приравненном к гимназии среднем учебном заведении (отдел V, § 116). В число вольнослушателей допускались «посторонние лица, имеющие определенное общественное положение или занятие» (отдел V, § 120). Прием студентов происходил один раз в год, «от 16 июля до 10 августа» [9, с. 555]. Студент мог записаться только на один факультет (§ 117), взяв на себя обязательство соблюдать в зданиях университета порядок, предусмотренный правилами Министерства народного просвещения (отдел V, § 121)¹⁸. Они появились в 1885 г.; сам же устав лишь в общих чертах наметил права и обязанности студентов [26, с. 619].

Кроме «Правил для студентов университета во время прохождения курса», устав 1884 г. дополнялся и конкретизировался «Правилами о приеме в студенты университета», «Правилами о плате за слушание лекций в университете», «Правилами о назначении студентам стипендий и денежных пособий», «Правилами для арестованных в карцере студентов», «Правилами о допущении в университет посторонних слушателей» [25, с. 31–46].

Хотя в уставе не содержалось никаких существенных ограничений при приеме в университеты, руководство высших учебных заведений должно было следовать распоряжению министра народного просвещения, появившемуся еще в 1880 г. В нем говорилось о том, чтобы начальство средних учебных заведений сообщало в университеты «полные и обстоятельные сведения об образе мыслей... молодых людей, об их склонностях, условиях материального быта и общественной среды, к коей принадлежат их родные...» [26, с. 619]. С 1886 г. началось ограничение приема в университеты лиц еврейского происхождения [26, с. 619].

Основными изменениями в положении студентов, вызванными появлением нового устава, следует считать установление гонорарной системы оплаты труда преподавателей; разделение академического года на семестры и введение полугодных (семестровых) испытаний, а также государственных экзаменов, более

активное привлечение студентов к семинарским занятиям (или «научным упражнениям»).

Как мы уже отмечали, гонорарная система должна была, по представлениям законодателей, заставить студентов более ответственно подходить к процессу обучения, который отныне подчинялся санкционированному Министерством народного просвещения учебному плану и «недельным обозрениям».

Каждый студент, поступивший в университет, получал учебный план, в котором были обозначены науки, подлежащие изучению на протяжении четырех лет пребывания на факультете (на медицинском отделении – пяти лет), и последовательность в их преподавании. В учебных планах выделялись главные предметы, составлявшие фундамент высшего образования по выбранному студентом направлению, – они излагались в посеместровом порядке и подразделялись на учебные недели. Кроме главных, указывались еще и дополнительные научные дисциплины, которые студент обязан был прослушать на протяжении всего запланированного на факультете срока обучения, но жесткого размещения их по семестрам не было, и студенту самому позволялось осуществить перенос таких предметов из одного семестра в другой, учитывая степень своей загруженности и другие обстоятельства. Наконец, учебный план называл дисциплины, желательные для освоения, но не обязательные для изучения студентом, – от них можно было отказаться.

Перед наступлением каждого семестра студент выбирал основные, дополнительные и необязательные – факультативные предметы, которые он должен был и хотел бы изучать, и предъявлял этот список на утверждение декану своего факультета¹⁹. Декан проверял правильность осуществленного студентом выбора и корректировал список в том случае, если студенту самостоятельно не удалось выделить законченный круг наук или их основные разделы и части [8, с. 735, 736].

«Отступления от избранного плана» допускались только с разрешения декана (отдел III, гл. I, § 72). Студент получал право выбора преподавателя, если один и тот же предмет поручалось вести сразу нескольким представителям факультета (§ 73). Университетам не возбранялось записываться и к приват-доцентам, которым отныне разрешалось вести те же курсы, что и профессорам (там же), хотя на практике выходило иначе: как правило, они читали «необязательные курсы» или объявляли «необязательные семинарские занятия» [24, с. 584].

Учебный план предполагал обучение студентов не только на лекциях, но и на семинарских занятиях²⁰ (отдел III, гл. I, § 66; отдел III, гл. II, А, § 78; отдел III, гл. III, § 96) и устанавливал семестровую плату в пользу университета, которая составляла пять рублей (отдел V, § 129) (против двадцати пяти рублей, которые приходилось платить прежде). Помимо этой суммы, студент должен был оплачивать работу тех преподавателей, лекции и практические занятия которых он обязан был посещать или планировал это делать. Один недельный час стоил один рубль (отдел V, § 129). Общая сумма взимаемой со студентов платы не должна была пре-

вышать двадцати пяти рублей в полугодие²¹, но на практике была значительно выше, что создавало непреодолимые барьеры для поступления в университеты юношам из неимущих или малоимущих слоев русского общества.

Разделив учебный год на полугодия²², новый устав давал студентам возможность четко спланировать свою учебную нагрузку в течение недели и семестра в целом, организовать индивидуальное обучение таким образом, чтобы сосредоточить основные усилия на изучении фундаментальных (базовых, основных) научных дисциплин, не разбрасываясь на второстепенные предметы и не растрачивая понапрасну свои интеллектуальные силы и физические возможности. Кроме того, учебные планы и гонорары, выплачивавшиеся за осуществление выверенного деканом их образовательного маршрута, должны были приучить студентов к непрерывности, последовательности, систематичности изучения законченных циклов научных дисциплин. Потому-то прежние годовые экзамены, по мнению составителей устава, оказывались ненужными. Они упразднились, а вместо них появились полугодовые «поверочные» испытания, завершавшиеся получением семестровых зачетов (отдел III, гл. II. А. § 77). «Студенту зачитывается лишь такое полугодие, – читаем мы в уставе, – в течение коего он исполнил обязанности, возложенные на него правилами для обеспечения успешного хода его занятий, как то: а) если он выслушал число лекций, не менее установленных правилами нормы; б) если он подвергся установленным поверочным испытаниям; в) если он участвовал в практических занятиях и т. п.» (отдел III, гл. II. А. § 78).

Следовательно, только выполнение полной программы обучения в семестре, «в надлежащем порядке и полном объеме», давало студенту гарантии получения «зачета полугодия» (отдел III, гл. I. § 66), причем каждый преподаватель был ответственен за «полноту, последовательность и правильность» организации занятий по «факультетским предметам» (там же).

Хотя правила о проведении «зачета полугодий», общие для всех университетов, издавались Министерством просвещения с учетом «соображений» факультетов и «заключений советов» (§ 78, прим.), на практике новый порядок контроля успеваемости студентов показал свою неэффективность. С высочайшего позволения в августе 1889 г. были введены обязательные полукурсовые испытания по всем факультетам, а с 1890 г., с утверждения министра, факультеты получили право разделять предметы испытаний на две части: в конце второго и в конце четвертого полугодий²³. Возвращение семестровых экзаменов мы можем объяснить тем, что студенты, освобожденные от обязательной проверки знаний по профилирующим факультетским предметам, не могли справиться с требованиями государственных, или итоговых, испытаний, на которых они обязаны были продемонстрировать степень освоения всей учебной программы факультетов в соответствии с «объемом и качеством оказанных им познаний» (отдел III, гл. II, § 81).

Устав 1884 г. значительно больше, чем его предшественник, уделял внимания организации самостоятельной работы студентов на практических («научных», семинарских) занятиях. Участие в «семинариях» стало считаться не менее важным видом академических занятий, чем прослушивание лекций²⁴. «Обозрения преподавания на каждую предстоящую половину года», рассмотренные советом и утверждавшиеся министром просвещения, должны были содержать и лекции, и практические занятия (отдел III, гл. I, § 71; отдел II, гл. IV, § 30. III. № 12). «Отчеты преподавателей о практических занятиях со студентами» включались в повестку дня факультетских собраний (отдел II, гл. III. § 27. I. № 10). «Каждый факультет в целом своем составе и в лице отдельных своих преподавателей, под ближайшим руководством декана, печется о полноте, последовательности и правильности преподавания факультетских предметов, а равно научных по ним упражнений студентов», – провозглашает статья 66 устава. В «зачет полугодий» входила отметка об участии студента в практических занятиях (§ 78). Допуску к практическим занятиям предшествовали «поверочные испытания»: те и другие, по мнению составителей устава, имели целью «обеспечение успешного хода студенческих занятий» (отдел III, гл. II, § 83). Таким образом, организация практических занятий находилась под правительственным контролем, что можно трактовать как появившуюся в конце XIX в. заботу государства о повышении научного уровня университетского образования. Хотя – и мы не можем не обратить на это внимания – во время «испытаний по окончании полного университетского курса», то есть на государственных экзаменах, приобретенные студентами навыки самостоятельной исследовательской деятельности оказывались неостребованными, так как от выпускников требовалось только представление «в полном объеме» знаний от «выслушанных» ими «предметов» (§ 66).

Что касается универсантов, то тем из них, кому позже удалось вступить на научное поприще, практические занятия казались истинной «учебной лабораторией», где выявлялись их исследовательские задатки и формировались профессиональные интересы [9, с. 562, 568].

К итоговым испытаниям перед государственными комиссиями по факультетам (отдел III, гл. II, § 74; отдел III, гл. II. А. § 75) допускались лишь те из студентов, кто к окончанию всего процесса обучения имел восемь зачетных полугодий (на медицинском факультете – десять) (отдел III, гл. II. А. § 77). Результаты обучения проставлялись в подписанном деканом и секретарем соответствующего факультета выпускном свидетельстве (отдел III, гл. II. А. § 77, прим.), которое вместе с прошением студента о допуске его к экзамену и справкой о выплате вознаграждения («взноса» размером в 20 рублей) членам комиссии (отдел III, гл. II. А. § 79) представлялось председателю испытательной комиссии факультета. Она оценивала объем и качество знаний, полученных выпускником при овладении целым законченным циклом определенных наук (§ 81).

Число комиссий для принятия выпускных экзаменов на каждом факультете определялось министром просвещения, который ежегодно назначал и председателя, и экзаменаторов. Правила испытаний и общие требования, предъявлявшиеся ко всем универсамтам, также утверждались министром и публиковались «во всеобщее сведение» (отдел III, гл. II, А, § 75, 80). Государственные экзамены («испытания в комиссиях») были очень сложными, требовали длительной подготовки и большого напряжения сил²⁵. В разработанных для всех университетов общих экзаменационных требованиях Министерство народного просвещения устанавливало «крайний предел того, что правительство признает за благо требовать от лица, ищущего сопряженных с университетским образованием преимуществ» [3, с. 552]. Следовательно, задача государственных комиссий состояла не в том, чтобы, инспектируя «низший предел знаний» студента, установить, обладает он «духом научного исследования» или нет, а исключительно в том, чтобы удостовериться в наличии у выпускника университета, начинающего государственную службу, должной профессиональной подготовки, «приноровленной к этой цели» [3, с. 553]. Кроме того, составляя объем требований к выпускникам университетов, правительство само определяло, чему должны были научиться студенты за восемь (десять – на медицинском факультете) семестров пребывания в учебном заведении, и через назначаемые им испытательные комиссии имело возможность ежегодно проверять результаты учебного процесса на факультетах, заодно аттестуя и научно-педагогические кадры. А это, в свою очередь, обязывало преподавателей адаптировать текущее обучение к императивам государственной аттестации, жертвуя научностью и обстоятельностью курсов и приспособляя их к «определенной утилитарной цели», которая требовала от студента исключительно «механической выучки», «пробы памяти и нервов», «ребяческой передачи затверженных уроков» [3, с. 554, 567].

Мы уже отметили, что на итоговых испытаниях проверялись только знания («их объем и качество»), а не приобретенные навыки их использования, то есть, говоря современным языком, не компетентность специалиста. «Сторонний председатель комиссии» не имел возможности оценить рефераты, зачетные сочинения, итоги работы студентов на практических занятиях. Значит, провозглашенная уставом научная направленность академической деятельности оказывалась неучтенной, не востребованной при окончании университетского курса. На деле, аттестуя «пределы знаний» универсантов, комиссия контролировала отсутствие «вредного направления» в их обучении, то есть экзаменовала преподавателей на «благонадежность» и лояльность к новым государственным инициативам. Академическая свобода, таким образом, была заменена «принудительно однообразными программами окончательного испытания»²⁶, которые давали тон всему преподаванию» [3, с. 555], вынуждая студентов, заинтересованных в получении диплома первой степени, с подчеркнутым уважением относиться главным образом к «обязательным слушаниям».

Выпускники, удовлетворявшие своими знаниями «требования испытания», получали – в соответствии с продемонстрированными возможностями – дипломы первой или второй степени, которые заменили прежде существовавшие степени кандидата и действительного студента (отдел III, гл. II, А, § 81).

Выпускники, получившие диплом первой степени, утверждались при поступлении на гражданскую службу в чине X класса, а при наличии диплома второй степени имели чин XII класса [5, с. 983]. Обладатели дипломов обеих степеней могли быть допущены к соисканию первой ученой степени – магистра (отдел III, гл. II, Б, § 85, 86). Для этого требовалось пройти устные испытания на факультете и осуществить публичную защиту одобренной факультетом диссертации (отдел III, гл. II, Б, § 87).

Выпускники университетов, принадлежавшие к мещанскому сословию, и «сельские обыватели» приобретали личное почетное гражданство, а обладатели ученых степеней магистра и доктора (отдел III, гл. II, Б, § 85) становились потомственными почетными гражданами (отдел III, гл. II, Б, § 92).

В уставе 1884 г. содержалось еще немало положений, определявших правовой статус студентов Императорских российских университетов. С разрешения правления студент мог перейти из одного университета в другой, получив согласие правления выбранного им учебного заведения и представив «аттестат зрелости или равносильное свидетельство» (отдел V, § 118). Не запрещалось и изменять направление обучения (отдел III, гл. VI, § 40. I. № 6), если студент не справлялся с учебной программой первоначально выбранного им факультета²⁷. Однако неуспевающим и «отложившим» итоговые испытания на год нельзя было оставаться студентом одного и того же факультета более семи с половиной лет на медицинском факультете и более шести с половиной лет на всех остальных [22].

Для поощрения интереса студентов к систематическому учебному труду и научной деятельности, как и прежде, факультеты предлагали «задачи», успешное выполнение которых, изложенное в сочинениях, награждалось золотыми или серебряными медалями, а также почетными отзывами (отдел V, § 134).

Для «недостаточных» студентов были предусмотрены стипендии и пособия, право распределения которых предоставлялось правлению, но принятые решения утверждались попечителем (отдел II, гл. VI, § 40. III. № 4).

Учреждавшиеся министерством «виды вспоможения студентам» могли быть трех видов: средства, поступающие из Государственного казначейства, общественных и частных лиц и не обремененные требованием несения шестилетней государственной службы, назначавшейся выпускнику университета правительством; стипендии из ведомств, земств, городских управ, предполагавшие обязательное несение предложенной службы по завершении обучения; пособия, выдававшиеся до назначения стипендии при условии «безукоризненного поведения и успешных занятий» студента (отдел V, § 127). Получение стипендий, назначавшихся

безвозмездно, было обставлено «состязательными испытаниями» и подчинялось инструкциям Министерства народного просвещения (отдел V, § 132). При чрезвычайных обстоятельствах отдельным студентам полагалась единовременная материальная помощь (отдел V, § 133).

«Правила для студентов университета во время прохождения курса» давали лучшим представителям учащейся молодежи надежду на освобождение от платы за обучение. Для этого, кроме отзыва факультетов об успешности занятий, требовалась политическая благонадежность, подтверждавшаяся инспекцией. Университетам запрещалось выражать «одобрение или неодобрение преподавателям», участвовать в студенческих беспорядках, покидать место учебы без отпускного свидетельства от инспекции [25, § 2, 10, 15, 16, 19–21, 26, 28, 31, 37]. Если эти условия выполнялись, «недостаточные» могли претендовать на установленные льготы материального характера.

Устав закреплял потребность в надзоре за студентами и слушателями со стороны университетского начальства (отдел V, § 120–123). Все учащиеся факультетов признавались «отдельными посетителями университета». С их стороны не допускалось никаких действий, носивших корпоративный характер, поэтому они не могли позволить себе создание кружков, землячеств, касс взаимопомощи. Вне зданий университета студенты подлежали «ведению полицейских установлений» на общих основаниях со всеми подданными Его Императорского Величества (отдел V, § 123). О каждом проступке студента полиция незамедлительно уведомляла университетскую администрацию, и правление университета принимало решение о возможности продолжения обучения студента или о его отчислении (отдел V, § 124).

Проступки студентов, противоречившие положениям устава и правилам Министерства народного просвещения, разбирались – в зависимости от «степени важности нарушения» – инспектором, ректором, правлением, которые налагали на виновного (с утверждения попечителя) взыскания различной степени: от простого выговора и кратковременного ареста с содержанием в карцере до увольнения из университета с правом восстановления и даже до исключения, то есть окончательного лишения права обучаться в университетских центрах (отдел V, § 125).

Для нерадивых студентов устав предусматривал строгие меры воздействия. Студент, не получивший зачетов по трем полугодиям сразу или за пять полугодий вообще, отчислялся из университета (отдел V, § 126).

С 1885 г. в университетах вводились обязательное ношение формы для студентов и, кроме того, требование отдавать честь членам императорской фамилии и университетскому начальству. На экзаменах студенты должны были отвечать стоя, копируя порядок производства экзаменов в военных академиях. Браки для студентов «во все время пребывания в университете» были запрещены [37, с. 194].

Студенты не были защищены от произвола Министерства народного просвещения, которое не раз нарушало установленные им же правила. Так, плата за образование студентов систематически повышалась. С 1887 до 1897 г. она выросла с десяти до пятидесяти рублей в год, а накануне революции 1905 г. – до ста рублей в год. В то же время из года в год сокращались ассигнования на стипендии²⁸. Такими мерами правительство пыталось оградить университеты от выходов из неимущих слоев российского общества, которые в первую очередь ассоциировались с бунтарями и нарушителями академического порядка. Однако резкое сокращение численности студентов стало уже невыгодным: без их гонораров преподавателям правительство уже не имело возможности реализовать свои социальные обязательства, данные «ученому сословию».

Библиографический список

1. Аврус, А. И. История российских университетов: Очерки [Текст]. – М., 2001.
2. Андреев, А. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие (Часть 1) [Текст] // Высшее образование в России. – 2005. – № 1. – С. 156–169.
3. Виноградов, П. Учебное дело в наших университетах [Текст] // Вестник Европы: Журнал истории, политики, литературы. – СПб., 1901. – Октябрь. – Кн. X. – С. 537–573.
4. Временный штат Императорских российских университетов, управляемых по общему о них уставу [Текст] // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1884 год. Царствование императора Александра III. – СПб., 1893. – Том IX. – С. 1027–1046.
5. Высочайше утвержденное 15 августа 1884 года мнение Государственного совета [Текст] // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1893. – Том IX. – С. 981–984.
6. Высшее образование в России: Очерки истории до 1917 года [Текст] / под ред. В. Г. Кинелева. – М., 1995.
7. Гьере В. Свет и тени университетского быта [Текст] // Вестник Европы. – СПб., 1876. – Февраль. – Кн. 2. – С. 646–709.
8. Глинский, Б. Б. Университетские уставы (1755–1884 гг.) [Текст] // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. – СПб., 1900. – Т. LXXIX. – С. 718–742.
9. Готье, Ю. В. Университет [Текст] // Московский университет в воспоминаниях современников / сост. Ю. Н. Емельянов. – М., 1989. – С. 554–574.
10. Иванов, А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века [Текст]. – М., 1991.
11. Из университетской жизни. Мнения периодической печати о предстоящей реформе университетов [Текст] // Вестник воспитания: Научно-популярный журнал / под ред. Н. Ф. Михайлова. – М., 1901. – Сентябрь. – Хроника. – № 6. Хроника. – С. 112–153.
12. История Московского университета [Текст] : в 2 т. / под ред. М. Н. Тихомирова. – Т. 1. – М., 1955.
13. Капнист, П. Университетские вопросы [Текст] // Вестник Европы. – СПб., 1903. – Т. IV. – С. 167–218.
14. Ковалевский, М. М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века (Личные воспоминания) [Текст] // Московский университет в воспоминаниях современников. – С. 484–506.

15. Котов, А. Э. «Дело профессора Любимова»: власть и общество в борьбе за университет [Текст] // Университетский научный журнал. – СПб., 2012. – № 2. – С. 63–76.

16. Лейкина-Свиристая, В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века [Текст]. – М., 1971.

17. Любимов, Н. А. По поводу предстоящего пересмотра университетского устава [Текст] // Русский вестник. – 1873. – № 2. – Т. 103. – С. 886–903.

18. Милуков, П. Университет [Текст] // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1902. – Т. XXXIV. – С. 751–803.

19. Новиков, М. В., Перфилова Т. Б. Устав 1884 года: реставрация авторитарных порядков в сфере управления российскими университетами [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 2. – С. 25–38.

20. Общий устав Императорских российских университетов [Текст] // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1893. – Том IX. – С. 985–1026.

21. Олесич, Н. Я. Господин студент Императорского С.-Петербургского университета [Текст]. – СПб., 1998.

22. Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры [Электронный ресурс] / под ред. Е. В. Олесеюка. – Режим доступа: URL: <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006>.

23. Петров, Ф. А., Гутнов, Д. А. Российские университеты [Текст] // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 3. Культурный потенциал общества. – М., 2001. – С. 124–199.

24. Пичета, В. И. Воспоминания о Московском университете (1897–1901) [Текст] // Московский университет в воспоминаниях современников. – С. 583–596.

25. Правила для студентов университета во время прохождения курса. Правила о приеме в студенты университета. Правила о плате за слушание лекций в университете. Правила о назначении студентам стипендий и денежных пособий. Правила для арестованных в карцере студентов. Правила о допущении в университет посторонних слушателей [Текст] // ЖМНП. – СПб., 1885. – Июль. – III. Министерские распоряжения. – № 4. – С. 31–46.

26. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 [Текст]. – СПб., 1902.

27. Сабашников, М. В. Воспоминания. В университете [Текст] // Московский университет в воспоминаниях современников. – С. 575–582.

28. Соболева, Е. В. Организация науки в пореформенной России [Текст]. – Л., 1983.

29. Танеев, П. В. Воспоминания о Клименте Аркадьевиче Тимирязеве [Текст] // Московский университет в воспоминаниях современников. – С. 507–516.

30. Трубецкой, С. Университет и студенчество [Текст] // Русская мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание. – М., 1897. – Кн. IV. – С. 181–203.

31. Университетский устав 1863 года [Текст]. – СПб., 1863.

32. Фет, А. А. Воспоминания [Текст] // Московский университет в воспоминаниях современников. – С. 230–241.

33. Филиппов, М. М. Реформа гимназий и университетов [Текст]. – СПб., 1901.

34. Чичерин, Б. Н. Студенческие годы. Москва сороковых годов [Текст] // Московский университет в воспоминаниях современников. – С. 372–417.

35. Штаты Императорских российских университетов [Текст] // Университетский устав 1863 года. – СПб., 1863. – С. 44–55.

36. Щетинин, Б. А. Первые шаги (Из недавнего прошлого) [Текст] // Московский университет в воспоминаниях современников. – С. 533–547.

37. Щетинина, Г. И. Университеты России и устав 1884 г. [Текст]. – М., 1976.

Bibliograficheskiy spisok

1. Avrus, A. I. Istorija rossijskih universitetov: Oчерki [Текст]. – М., 2001.

2. Andreev, A. «Nacional'naja model'» universitetskogo obrazovanija: vzniknovenie i razvitie (Chast' 1) [Текст] // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2005. – № 1. – С. 156–169.

3. Vinogradov, P. Uchebnoe delo v nashih universitetah [Текст] // Vestnik Evropy: Zhurnal istorii, politiki, literatury. – SPb., 1901. – Oktjabr'. – Kn. X. – С. 537–573.

4. Vremennyj shtat Imperatorskih rossijskih universitetov, upravljajemyh po obshhemu o nih ustavu [Текст] // Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. 1884 god. Carstvovanie imperatora Aleksand-ra III. – SPb., 1893. – Том IX. – С. 1027–1046.

5. Vysochajshe utverzhdennoe 15 avgusta 1884 goda mnenie Gosudarstvennogo soveta [Текст] // Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. – SPb., 1893. – Том IX. – С. 981–984.

6. Vysshee obrazovanie v Rossii: Oчерki istorii do 1917 goda [Текст] / pod red. V. G. Kineleva. – М., 1995.

7. Ger'e V. Svet i teni universitetskogo byta [Текст] // Vestnik Evropy. – SPb., 1876. – Fevral'. – Kn. 2. – С. 646–709.

8. Glinskij, B. V. Universitetskie ustavy (1755–1884 gg.) [Текст] // Istoricheskiy vestnik: Istoriko-literaturnyj zhurnal. – SPb., 1900. – Т. LXXIX. – С. 718–742.

9. Got'e, Ju. V. Universitet [Текст] // Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov / sost. Ju. N. Emel'janov. – М., 1989. – С. 554–574.

10. Ivanov, A. E. Vysshaja shkola Rossii v konce XIX – nachale XX veka [Текст]. – М., 1991.

11. Iz universitetskoj zhizni. Mnenija periodicheskoj pečati o predstojashhej reforme universitetov [Текст] // Vestnik vospitanija: Nauchno-populjarnyj zhurnal / pod red. N. F. Miha-jlova. – М., 1901. – Sentjabr'. – Hronika. – № 6. Hronika. – С. 112–153.

12. Istorija Moskovskogo universiteta [Текст] : v 2 t. / pod red. M. N. Tihomirova. – Т. 1. – М., 1955.

13. Kapnist, P. Universitetskie voprosy [Текст] // Vestnik Evropy. – SPb., 1903. – Т. IV. – С. 167–218.

14. Kovalevskij, M. M. Moskovskij universitet v konce 70-h i nachale 80-h godov proshlogo veka (Lichnye vospominanija) [Текст] // Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov. – С. 484–506.

15. Kotov, A. Je. «Delo professora Ljubimova»: vlast' i obshhestvo v bor'be za universitet [Текст] // Universitetskij nauchnyj zhurnal. – SPb., 2012. – № 2. – С. 63–76.

16. Lejkina-Svirskaja, V. R. Intelligencija v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka [Текст]. – М., 1971.

17. Ljubimov, N. A. Po povodu predstojashhego peresmotra universitetskogo ustava [Текст] // Russkij vestnik. – 1873. – № 2. – Т. 103. – С. 886–903.

18. Miljukov, P. Universitet [Текст] // Jenciklopedicheskiy slovar' / Izd. F. A. Brokgauz, I. A. Efron. – SPb., 1902. – Т. XXXIV. – С. 751–803.

19. Novikov, M. V., Perfilova T. B. Ustav 1884 goda: restavracija avtoritarnyh porjadkov v sfere upravljenija rossijskimi universitetami [Текст] // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2014. – № 2. – С. 25–38.

20. Obshhij ustav Imperatorskih rossijskih universitetov [Текст] // Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. – SPb., 1893. – Том IX. – С. 985–1026.

21. Olesich, N. Ja. Gospodin student Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta [Tekst]. – SPb., 1998.

22. Otechestvennye universitety v dinamike zolotogo veka russkoj kul'tury [Elektronnyj resurs] / pod red. E. V. Olesjuka. – Rezhim dostupa: URL. <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006>.

23. Petrov, F. A., Gutnov, D. A. Rossijskie universitety [Tekst] // Oчерки russkoj kul'tury XIX veka: v 6 t. – T. 3. Kul'turnyj potencial obshhestva. – M., 2001. – S. 124–199.

24. Picheta, V. I. Vospominanija o Moskovskom universitete (1897–1901) [Tekst] // Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov. – S. 583–596.

25. Pravila dlja studentov universiteta vo vremja prohozhdenija kursa. Pravila o prieme v studenty universiteta. Pravila o plate za slushanie lekcij v universitete. Pravila o naznachenii studentam stipendij i denezhnyh posobij. Pravila dlja arestovannyh v karcere studentov. Pravila o dopushhenii v universitet postoronnih slushatelej [Tekst] // ZhMNP. – SPb., 1885. – Ijul'. – III. Ministerskie rasporyzhenija. – № 4. – S. 31–46.

26. Rozhdestvenskij, S. V. Istoricheskij obzor dejatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1802–1902 [Tekst]. – SPb., 1902.

27. Sabashnikov, M. V. Vospominanija. V universitete [Tekst] // Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov. – S. 575–582.

28. Soboleva, E. V. Organizacija nauki v poreformennoj Rossii [Tekst]. – L., 1983.

29. Taneev, P. V. Vospominanija o Klimente Arkad'eviče Timirjazevе [Tekst] // Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov. – S. 507–516.

30. Trubeckoj, S. Universitet i studenchestvo [Tekst] // Russkaja mysl': Ezhemesjachnoe literaturno-politicheskoe izdanie. – M., 1897. – Kn. IV. – S. 181–203.

31. Universitetskij ustav 1863 goda [Tekst]. – SPb., 1863.

32. Fet, A. A. Vospominanija [Tekst] // Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov. – S. 230–241.

33. Filippov, M. M. Reforma gimnazij i universitetov [Tekst]. – SPb., 1901.

34. Chicherin, B. N. Studencheskie gody. Moskva sorokovyh godov [Tekst] // Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov. – S. 372–417.

35. Shtaty Imperatorskih rossijskih universitetov [Tekst] // Universitetskij ustav 1863 goda. – SPb., 1863. – S. 44–55.

36. Shhetinin, B. A. Pervye shagi (Iz nedavnego proshlogo) [Tekst] // Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov. – S. 533–547.

37. Shhetinina, G. I. Universitety Rossii i ustav 1884 g. [Tekst]. – M., 1976.

¹ «Классической университетской моделью» А. Андреев называет немецкую национальную модель университетского образования, воплощенную в Берлинском университете (1810 г.). Здесь впервые была выражена идея университета как «универсума наук» и провозглашены принципы свободы преподавания и обучения, позже признанные универсальными ценностями высшего научного образования [2, с. 159–165].

² Здесь и далее в круглых скобках ссылки сделаны на это же издание.

³ По уставу 1863 г. вместо классической филологии работали кафедры греческой словесности и римской словесности. Устав 1884 г. объединил эти кафедры и учредил новую: географии и этнографии. Прежде физическая география была предметом изучения на физико-математическом факультете [31, с. 89, 91].

По новому уставу преподавание географии было разделено между двумя факультетами – историко-филологическим и физико-математическим.

⁴ По уставу 1863 г. в программу обучения входили также «геогнозия и палеонтология»; физика и физическая география преподавались на разных кафедрах; сравнительная анатомия и физиология животных были двумя направлениями изучения зоологии [31, с. 91].

⁵ Из программы обучения была исключена история славянских законодательств; «история важнейших иностранных законодательств, древних и новых», стала называться «международным правом» [31, с. 91, 93].

⁶ Преподавание востоковедения было поставлено основательно. Наряду с общей историей Востока, программа охватывала санскритскую, арабскую, персидскую, турецко-татарскую, китайскую, маньчжурскую, монгольскую, калмыцкую, еврейскую, сирийскую, халдейскую, армянскую и грузинскую словесность [20, § 59].

⁷ Такая структура историко-филологических факультетов не прижилась. В 1899 г. историко-филологические факультеты получили прежнее устройство, существовавшее с 1863 по 1884 г. [26, с. 621].

⁸ Г. И. Щетинина приводит сведения, подтверждающие падение интереса к перекошенному в сторону классицизма гуманитарному образованию. Если в 1884 г. на историко-филологическом факультете Дух и душа как символы целостного миробытия: бытовое и бытийное содержание С.-Петербургского университета было 263 студента, то в 1887 г. их стало всего 184. В Харьковский университет на этот же факультет в 1885 г. поступило 26 студентов, а в 1888 г. – только 7 [37, с. 156].

⁹ Ставший академиком Ю. В. Готье поступил в Московский университет в 1891 г. Он подтверждает восстановление прежней структуры историко-филологического факультета, который мог «справедливо гордиться» своими историческими кафедрами. Автор указывает на то, что первые два года были общими для всех студентов-гуманитариев. А с третьего курса «начиналось разделение на отделения: классическое, словесное и историческое» [9, с. 558].

¹⁰ Б. А. Щетинин отмечает, что «зачеты семестров» сводились «в большинстве случаев к простой и очень скучной формальности» [36, с. 537, 538].

Обязательные полукурсовые экзамены вместо «зачета полугодий» вновь были введены на всех факультетах университетов с 1889 г. [26, с. 622].

¹¹ М. М. Филиппов приводит информацию заслуженного профессора А. В. Романовича-Славатинского, ставшего свидетелем процедуры составления официальных учебных программ. «Дело было поручено угодливому профессору, – сообщал он, – который не был специалистом почти ни по одной той науке, программу которой он составлял». Не испытывая себя внимательным изучением предмета и содержания научных дисциплин, он проштудировал лишь оглавления учебников, имевшихся в распоряжении Императорской публичной библиотеки. Это оказалось достаточным для издания руководящих указаний по составлению университетских лекционных курсов. «Безграмотными конспектами» охарактеризовал такие рекомендованные Министерством просвещения программы А. В. Романович-Славатинский [33, с. 100].

¹² Ординарный профессор имел годовое жалованье 2400 рублей, к которому добавлялись 300 рублей «столовых» и 300 рублей «квартирных», то есть его «содержание» в год

составляло три тысячи рублей. Экстраординарный профессор получал две тысячи рублей в год [4, с. 1027–1046].

¹³ Приват-доценты не состояли на действительной службе и не получали штатного постоянного жалования [26, с. 618]. Их труд вознаграждался из «особо назначенной на этот предмет штатной суммы» [20. – Отдел IV, § 112], определенной в шестьдесят тысяч рублей на все Императорские университеты [4, с. 1032, 1033]. Размер персонального вознаграждения приват-доцента зависел от «усмотрения» министра [20, § 112].

¹⁴ Об этом сказано в документе «Высочайше утвержденное 15 августа 1884 г. мнение Государственного совета» (п. VII). Доценты Императорских университетов в зависимости от их заслуг и педагогического дарования могли быть переведены министром просвещения на должности экстраординарных профессоров, назначены временно исполнять вакантные профессорские должности, выполнять обязанности приват-доцентов, оставаясь при этом «за штатом», но получая в течение двух лет содержание, положенное доцентам по уставу 1863 г. См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения [5, с. 982–984].

¹⁵ П. В. Танеев сообщает о подобном случае, имевшем место на физико-математическом факультете в 1893 г. Приступившие попечителя Московского учебного округа П. А. Капниста в качестве председателя (вместо декана) на заседании факультета обеспечило положительный отзыв на диссертацию князя Б. Б. Голицына, представленную на соискание степени магистра физики [29, с. 519, 520].

¹⁶ М. С. Корелин, например, сразу получил степень доктора всеобщей истории, предоставив на соискание ученой степени большую двухтомную работу «Ранний итальянский гуманизм и его историография» [24, с. 590].

¹⁷ Г. И. Щетинина сообщает, что на 1 января 1894 г. число приват-доцентов достигло 321 человека во всех университетах [37, с. 167].

В. И. Пичета с большим уважением отзывается о приват-доцентах, которые своими лекциями, «и в особенности практическими занятиями», оказывали на студентов старших курсов огромное влияние. «Они учили работать по источникам», приобщая студентов к самостоятельному исследовательскому процессу. Более того, сообщает автор, именно приват-доценты, а не маститые профессора, ограниченные экзаменационными требованиями, «знакомили нас с русской историей» [24, с. 587, 588, 585].

¹⁸ В начале 90-х гг. при поступлении в университет студенты подписывали еще и заготовленное канцелярией университета заявление, подтверждающее, что они не состоят в нелегальных обществах или землячествах, и давали обещание «впредь в таковые не вступать» [27, с. 579].

¹⁹ О процессе обучения на историко-филологическом факультете сообщают нам ценную информацию два студента Московского университета 90-х гг. – Ю. В. Готье [9, с. 554–574] и В. И. Пичета [24, с. 583–596]. Ю. В. Готье постоянно упоминает об обязательных и необязательных курсах [9, с. 557, 558, 568 и др.]. В частности, он сообщает, что уже «в первый год студенчества», будучи очень старательным и добросовестным студентом, он захотел «дополнить то, что... казалось недостаточным в обязательных предметах», необязательными курсами, которые читались и профессорами и приват-доцентами. «Я записал себе 10 добавочных часов, – сообщает он, – из которых состоялись только 2 часа специального курса тогда еще приват-доцента М. С. Корелина по истории Древнего Востока, рассчитанного на студентов старших курсов... Остальные необязатель-

ные лекции, на которые я записался... оставались лишь мертвыми заглавиями в расписании», так как даже объявленные курсы зачастую не проводились по непонятным причинам [9, с. 557, 558]. Весь первый курс, по сведениям Ю. В. Готье (с. 558), был общим для студентов-гуманитариев, которым предлагалось изучать разнообразные дисциплины всеобщей истории. В. И. Герье читал «Римскую историю», разделив этот курс на две части: «Критическая историография от Нибура до Моммзена» и «Изложение государственного строя Рима в связи с отдельными событиями внешнего и внутреннего характера» [24, с. 588].

П. Г. Виноградов предлагал два курса: «История Греции, кончая Пелопоннесской войной» и «История Средних веков» (там же). Оба раздела античной истории завершались экзаменами. Обязательных «семинариев» на первом и втором курсах не было, но П. Г. Виноградов предлагал «необязательные семинарии» по прочтенным курсам, которые посвящались изложению дополнительного лекционного материала, полезного для тех, кто писал у него рефераты по античным источникам и научной литературе, и обстоятельно разбирал проверенные работы студентов (там же). В зависимости от учебных планов В. И. Герье читал Новую историю то на первом курсе, то на втором, то на двух курсах сразу. По воспоминаниям Ю. В. Готье, ему удалось на первом курсе прослушать «XVIII век и Французскую революцию... на втором – эпоху Возрождения и Германскую революцию» [9, с. 558]. В. И. Пичета, поступивший в университет в 1897 г., слушал курс, посвященный Французской революции, к которому фактически была сведена вся «Новая история», на втором году обучения [24, с. 588]. Оба известных профессора вели «семинарии» на старших курсах (с. 558, 561, 589), темы которых соответствовали их научным интересам. На третьем и четвертом курсах лекции по истории Древнего Востока и по новейшей истории читал экстраординарный профессор М. С. Корелин (с. 563, 590), которого вскоре (из-за болезни) сменил Р. Ю. Випер, предложивший курс по истории Англии XIX в. и проводивший «семинарий» по истории общественно-политической мысли XIX в. (с. 590, 591).

Курс русской истории для всего факультета вел «незабвенный В. О. Ключевский». Лекции были рассчитаны на второкурсников, а «семинарий» – только на «специалистов-историков», перешедших на пятый семестр (с. 567). «Зачетными сочинениями» заканчивались семинарии по отечественной истории у П. Н. Милюкова в шестом семестре (с. 567) и М. К. Любавского «по Литовскому статуту 1529 г.». В конце 90-х гг. на факультете появились «способные» приват-доценты Н. А. Рожков, А. А. Кизеветтер, М. М. Богословский, М. В. Довнар-Запольский, которым доверяли читать лекции старшекурсникам и проводить семинарии по истории России XVIII–XIX вв. (с. 586, 587). На четвертом курсе историки совместно с юристами слушали политическую экономию в изложении «любимца студентов» А. И. Чупрова (с. 592).

²⁰ Устав использует различные наименования этих занятий: «научные упражнения» (§ 66); «практические занятия» (§ 78); «практические упражнения» (§ 73); «практические упражнения (семинарии)» (§ 96).

²¹ В 1887 г. семестровая плата была увеличена с пяти до двадцати пяти рублей. За право посещать занятия преподавателей студенты стали платить от восемнадцати до ста рублей в год [8, с. 734].

²² «Учебные полугодия продолжают: первое – с 20 августа по 20 декабря, а второе – с 15 января по 30 мая» [20. – Отдел III, гл. I, § 65].

²³ В. И. Пичета сообщает, что «экзамены сдавались на первом и втором курсах в дни, назначенные деканом. Несдача одного экзамена влекла за собой оставление на второй год. На третьем курсе не было экзаменов, а на четвертом – студент получал выпускное свидетельство, дававшее ему право держать где бы то ни было государственный экзамен...» [24, с. 583].

Ю. В. Готье добавляет, что «экзамен по римской истории [его принимал В. И. Герье. – М. Н., Т. П.] на первом курсе был мерилем определяющим», то есть от оценки, полученной по этому разделу истории Древнего мира, зависела дальнейшая судьба студента. Шестой семестр, освобожденный от экзаменов, не оставался без внимания преподавателей и студентов. Он завершался представлением «зачетного сочинения», которое писалось по узкой проблеме и требовало знаний источников и специальной научной литературы. На основе этой большой по объему работы «разрабатывалось» исследование, которое студент представлял в «государственную комиссию» [9, с. 559, 567, 568].

²⁴ «Обязательные семинарии» на историко-филологическом факультете начинались на третьем курсе, когда проходило разделение всех поступивших на этот факультет студентов на три отделения, и, кроме того, у лучших универсантов пробуждался «сознательный интерес» к вдумчивой самостоятельной исследовательской работе. Заинтересованная в высоких результатах своих первых научных проб, эта часть студентов с большим прилежанием посещала такие занятия и добросовестно выполняла предложенные преподавателями задания. Как правило, они были связаны с изучением источников по разным разделам всеобщей и отечественной истории. Так, четверокурсники на «обязательных семинариях» по греческой истории, которые вел П. Г. Виноградов, изучали «Афинскую политику» Аристотеля и «Дейнософистов» Афиня. Семинарий приват-доцента М. В. Довнар-Запольского был посвящен «народному хозяйству XVII в.». «Громадное значение» всех практических занятий, вне зависимости от того, какой научной квалификацией обладали преподаватели и каких «историко-философских взглядов» они придерживались, состояло в том, что «они учили работать по источникам», вводя студентов «в настоящую учебную лабораторию».

«Необязательные семинарии», особенно на младших курсах, посвящались обсуждению заранее написанных студентами рефератов. Успешным считался реферат, созданный по «первоисточникам», которые преподаватель нередко приносил из своей домашней библиотеки. На «семинариях» особенно ценились, со слов Ю. В. Готье, такие профессиональные качества преподавателей, как «вдумчивость, и научная и педагогическая, в выборе тем... внимательное отношение к студентам... выдержанная строгость и внимание при разборе темы». Этими качествами обладали, например, П. Г. Виноградов и П. Н. Милюков.

В отличие от них, В. О. Ключевский не любил семинарских занятий, «гяготился» ими и подменял «специальными» лекциями. В. И. Пичета пишет: «Ключевский не учил нас работать над памятником и не вводил нас в лабораторию научной работы, а занимался толкованием “Русской правды”... Это было интересно, ново, полезно для студентов IV курса... но это были лекции, а не практические занятия. Мы не учились работать... ибо не пробовали своих научных сил под руководством такого мастера, каким был

В. О. Ключевский...» [9, с. 558, 562, 566, 567; 24, с. 585, 587–589].

²⁵ На историко-филологическом факультете государственный экзамен включал «все исторические курсы» («все предметы исторического образования»), историю новой философии, «латинских и греческих исторических авторов» [9, с. 572; 24, с. 583].

А. И. Аврус приводит более развернутую информацию. Кроме «зачетов полугодий», студент должен был сдать экзамены по богословию и одному из новых языков, представить зачетное сочинение и автобиографию на латыни. Затем следовал письменный экзамен – переводы с латинского и греческого на русский. При неудовлетворительной оценке студент не допускался до устного экзамена, на котором задавались вопросы по основному и дополнительному предметам [1, с. 77].

Чрезмерные требования к испытуемым давали низкие результаты. Так, если до государственного экзамена доходили 45–50 % поначалу «многолюдного» первого курса историко-филологического факультета, то есть около пятидесяти человек, то из них справлялись с поставленными задачами итоговой аттестации только около 60 % (31–32 человека). Оценку «весьма удовлетворительно», позволявшую получить «диплом первой степени», имели только 7 человек [9, с. 569, 573, 574].

²⁶ Ю. В. Готье, в частности, сообщает о том, что преподаватели, приспосабливаясь к наличию государственного экзамена, из года в год, в одних и тех же словах, вынуждены были повторять материалы лекций. К этому прибегал, например, В. О. Ключевский. Кроме того, по просьбе студентов он выпустил «Пособие» к курсу отечественной истории. Это «“Пособие”, – сообщает Ю. В. Готье, – и к нему учебник Соловьева [«Общедоступные чтения о русской истории» (1874). – М. Н., Т. П.] – вот что требовалось от нас на полукурсовом экзамене и потом снова – на государственном» [9, с. 564, 674].

²⁷ Ю. В. Готье сообщает, что его приятель, потерпевший «неудачу» на экзамене у В. И. Герье, «бросил все исторические занятия... и перешел на первый курс медицинского факультета» [9, с. 560].

²⁸ По официальным данным инспекции, нуждавшиеся студенты в С.-Петербургском университете в 1899 г. составили 40 %, в 1899/1900 учебном году – 53,2 % от всего числа обучавшихся.

В Казанском университете в 1899 г. «обязательными стипендиатами» были 6,1 % состава студентов, в 1904 г. их количество уменьшилось до 4,3 % от общего числа при сохранявшемся росте численности универсантов [21, с. 30].